

Владимир Малахов

DARIEVA, TSYPYLMA, AND WOLFGANG KASCHUBA, EDS. *REPRESENTATIONS ON THE MARGINS OF EUROPE: POLITICS AND IDENTITIES IN THE BALTIC AND SOUTH CAUCASIAN STATES*. FRANKFURT, NEW YORK: CAMPUS VERLAG, 2007. 354 P. ISBN 978-3-5933-8241-5.

Владимир Малахов. Адрес для переписки: Центр изучения проблем гражданства и идентичности при Институте философии РАН, 119 992, Москва, ул. Волхонка, д. 14. citizen.studies@gmail.com.

Статьи, вошедшие в данный сборник, посвящены трансформации идентичностей, происходящей в странах Балтии и Южного Кавказа на протяжении полутора постсоветских десятилетий. Из двенадцати case studies семь посвящены Армении, два — Эстонии, остальным государствам досталось по одному. Вопросы, ответить на которые призывали участников коллективного труда редакторы, можно свести к трем группам. К первой группе относятся следующие. Какие образы и символы репрезентируют изучаемую трансформацию? Кто ее агенты? В каких формах протекают общественные дискуссии относительно новых символов национального «мы»? Вторая группа вопросов касается форм и способов включения этих символов в (государственные) проекты нациостроительства. Какие памятники возводятся, а какие сносятся или перемещаются? Как выглядят экспозиции в культурно-исторических музеях? Что считают «национальным брендом» чиновники в той или иной стране? Наконец, третья группа имеет дело с влиянием этих процессов на повседневность. Какими сувенирами торгуют мелкие предприниматели? О чем произносятся тосты на фуршетах, организуемых многочисленными неправительственными организациями (НПО)? Как меняются стереотипы поведения?

Некоторые авторы отвечают на эти вопросы подробно. Например, Ольга Бредникова в полной тонких наблюдений статье об эстонском городе Нарва и его ближайшем российском соседе Ивангороде. Другие авторы скорее держат перед мысленным взором какие-то иные вопросы и соотносят их со сверхзадачей сборника лишь косвенно.

Топика, посредством которой бывшие советские люди, а ныне граждане независимых государств обычно склонны осмыслять отношение Запад / Восток, — это «цивилизация / варварство». Передовой, процветающей и демократичной Европе противостоит отсталая и недемократичная Россия, которой они более не принадлежат. Вхождение в Европу — европеизация — выглядит в этой упрощенной оптике не иначе как преодоление отсталости и приобщение к демократии. Реальность же, как показывает данный сборник, гораздо более амбивалентна. Стремление в Европу сопровождается ощущением колонизации жизненного мира чужими символами. Декларирование принадлежности к Европе не смягчает травмы, связанной с переживанием собственной маргинальности. Позитивные ожидания от

обретения новой идентичности нейтрализуются негативными эффектами утраты прежней. Иными словами, процесс трансформации идентичности включает в себя и адаптацию, и сопротивление, и (само)обновление, и расставание с прошлым, и возврат к определенным элементам практик и дискурсов прошлого.

Приблизительно в таком ключе научные редакторы и составители книги Цыпылма Дариева (Tsyrylma Darieva) и Вольфганг Кашуба (Wolfgang Kaschuba) предлагают ее прочесть. Мне, однако, показалось, что такое прочтение не всегда соответствует замыслу авторов статей, вошедших в сборник. Так, согласно введению, европеизация в Грузии заключается в изменении навыков употребления вина и отношения к вину. Причем грузины из диаспоры, приезжающие в качестве представителей различных НПО в Грузию, отучают аборигенов от чрезмерных возлияний и, более того, отучают считать эксцессивное винопитие — *supra* — структурообразующей чертой грузинского национального характера (с. 23). Между тем статья Флориана Мюльфрида (Florian Mühlfried) не совсем об этом. Она — о напряжении, возникающем в ситуации внешнего управления. Как показывает Ф. Мюльфрид, само понятие НПО в грузинском контексте обесмысливается, ибо крупные западные фонды, работающие в Тбилиси («Открытое общество» и Liberty Institute), инкорпорированы в государственные структуры Грузии.

Нормативные фреймы, задаваемые неправительственными организациями, финансируемыми из-за рубежа, изменили не только поведение и дискурс грузинских политиков, но и дискурсивные практики грузинских интеллектуалов. Это изменение и нашло выражение в спорах вокруг *supra*.

Другой случай несоответствия между теоретической рамкой, задаваемой редакторами, и мессиджем участников проекта — трансформации идентичности в Латвии. Если верить авторам введения, признаком европеизации в латышском обществе следует считать присутствие в публичном пространстве голосов меньшинств (с. 21). Латыши научаются (европейской) культуре толерантности и плюрализма. Между тем картина, рисуемая исследованием Даце Дзеновской (Dace Dzenovska), гораздо более нюансированная и менее радужная. По наблюдению Д. Дзеновской, определяющим тропом латышского нарратива — несмотря на полтора десятилетия независимости — по-прежнему остается «колонизация». Сначала это была колонизация Советами, в результате которой латышский национальный характер стали описывать в таких терминах, как скромность, сдержанность, пассивность. Затем настал черед колонизации европейской, выражением чего стало навязывание дискурса политкорректности — толерантности к различиям. Автор делает темой своих размышлений коллизию между двумя формами политической рациональности — неолиберальной и националистической. Для неолиберализма единственное оправдание существования государства — его способность обеспечить благоприятные условия для бизнеса (туризм, прямые иностранные инвестиции, экспорт). Для националистов же главное — способность государства обеспечить жизнь (этно)нации. Это значит — (а) защитить коренной народ от «оккупантов» (русское население) и (б) оградить здоровье народа от субверсивных сил (геи и лесбиянки). Итак, пересмотр идентичности здесь — процесс весьма проблематичный и болезненный.

Впрочем, из текста некоторых статей не следует, что такой пересмотр вообще происходит. Если в случае Литвы европейская ориентация бесспорна (статья Асты Вондерау (Asta Vonderau) «Yet another Europe» повествует об усилиях литовских интеллектуалов показать, что Литва — это давно уже Европа, хотя и «другая»), то применительно к Азербайджану о движении в направлении Европы говорится лишь в связи со сближением с Турцией, которая, как известно, стремится к членству в ЕС (статья Б. Сидикова).

Весьма любопытен и случай Армении. Здесь налицо стратегии вписывания страны в европейский контекст — через новую систему образования (Artur Mkrtuchyan), активизацию памяти о геноциде 1915 года (статьи Ц. Дариевой и Х. Марутьяна (Harutyun Marutyun), преодоление последствий культурной политики, именуемой «советско-российским ориентализмом» (статья Х. Байядяна (Hrach Bayadyan)). В то же время как в повседневной, так и в политической жизни сегодняшней Армении просматриваются совсем не европейские черты. Так, в статье Левона Абрамяна (Levon Abrahamian) исследуется функция, которую выполняет в Армении «евроремонт». То, что внешне выглядит как прививка западного стиля жизни, скрывает типично восточное представление о жизненных ценностях. Символизм евроремонта — это символизм домашнего очага, центральной мифологемы армянской национальной идентичности. В статье Ашота Восканяна (Ashot Voskanian) анализируются особенности армянской политической сцены, которые тоже никак не назовешь европейскими. Автор подводит свои наблюдения под рубрику *фольклоризация политического*.

Если бы я вознамерился сколько-нибудь полно воспроизвести содержащийся в книге фактографический материал, мне просто не хватило бы места. Не зря почти все ее авторы — профессиональные культурные антропологи и / или историки. Не хватило бы места и для воспроизведения многообещающих теоретических ходов, предлагаемых в статье Вольфганга Кашубы и в заключительном тексте Йорга Баберовски. Предоставим эту работу — и это удовольствие — вдумчивым читателям.